

Разве ты не знаешь об этом? Священное место — это то самое место, где в былые времена боги позволили людям узреть себя. Так они и говорят. Поэтому существует нечто, что выдерживает любой анализ и дедукцию — послушай меня, выдерживает анализ и дедукцию! — С этими словами она болезненно рассмеялась. — Это то, что боги постоянно оставляют Сагикан в качестве заповедника, откуда они предупреждают человечество: если люди не изменят свой греховный образ жизни, их ждет уничтожение снова и снова.

Бини ошеломленно смотрел на нее. По правде говоря, он мало что знал о последователях Культа Пламени и их учении, никогда не испытывая ни малейшего интереса к подобным болезненным фантазиям. К тому же научная работа занимала все его время, не оставляя досуга для пустых пророчеств Мондира. В этот момент он вдруг вспомнил разговор с Серимоном 762 в Клубе Шести Солнц трехмесячной давности, и на душе у него стало тревожно и гневно.

Разве мир уничтожается не впервые? Боги намеренно сотворили людей несовершенными и отвели нам всего год — по их меркам, не по нашим, — чтобы мы переродились. Этот год называется Годом Покаяния, и его продолжительность в точности равна нашему 2049 году. Нет! Нет, нет и нет! Просто верх глупости! Дешевая показуха! Невероятная нелепость! И это еще не все!

К концу Года Покаяния боги обнаружили, что мы по-прежнему порочны и полны грехов, и обрушили с небес огонь, чтобы сжечь нас. И так из века в век... По крайней мере, так утверждают культисты Культа Пламени.

— Нет! Нет!

— Бини? — произнесла Сифна. — С тобой все в порядке?

— Просто задумался об одном деле, — ответил он. — Право же, от этого берет сомнение. Ты ведь предоставишь этим культистам исчерпывающие доказательства?

— Едва ли, всегда найдется тот, кто сумеет опровергнуть идеи Мондира. Пожар в Тумбо — даже если он повторяется примерно каждые две тысячи лет — вовсе не доказывает, что весь мир будет уничтожен огнем или что такой пожар непременно повторится снова. С какой стати событиям прошлого обязательно повторяться в будущем? Впрочем, люди столь проницательного ума составят лишь меньшинство. Мондир воспользуется моим открытием в корыстных целях. Большинство из них поддастся этому влиянию и мгновенно впадет в панику. Разве ты не знаешь, что культисты Культа Пламени уже объявили следующий год великого пожара и разрушения предстоящим годом?

— Знаю, — сильным голосом произнес Бини. — Серимон говорил мне, что они даже определили конкретную дату. Если точнее, цикл составляет 2049 лет, и до его завершения осталось чуть больше одиннадцати месяцев. Если верить Мондиру, тогда небо потемнеет и на нас обрушится огонь. Этот день — девятнадцатое сентября следующего года.

— Серимон? Тот самый газетчик?

— Да, вообще-то он мой друг. Его очень интересует то, что проповедуют культисты. Он даже берет интервью у одного из их высокопоставленных лиц, кажется, священника. Серимон рассказал мне...

Сифна внезапно протянула руку, впилась пальцами в руку Бини и сжала ее так сильно, что ногти едва не вонзились в мякоть.

— Ты должен пообещать мне, что ничего об этом ему не рассказывал, Бини!

— Серимону? Нет, конечно нет! Твое открытие еще не обнародовано, и делиться им с кем бы то ни было неуместно! К тому же он человек честных правил.

Ее хватка, крепкая как железо, немного ослабла, но совсем чуть-чуть.

— Иногда секреты просачиваются именно среди друзей. Все эти разговоры о том, что информация не для печати — пустая ложь. Бини, ты должен понимать: стоит тебе сболтнуть о чем-то такому человеку, как Серимон, как понятие «не для печати» перестает существовать. Если он сочтет это полезным для себя, он непременно этим воспользуется. Независимо от того, давал ли он тебе какие-либо гарантии и насколько «безупречной», по твоему мнению, является его репутация.

— Это... возможно...

— Поверь мне. Если Серимон узнает о наших выводах, можешь не сомневаться: не пройдет и полдня, как газета «Кроникл» раструбит об этом на весь город, погубив мою карьеру, понимаешь? Бини, я стану всеобщим посмешищем, человеком, который предоставил доказательства абсурдным измышлениям Культа Пламени. Бини, я искренне презираю их и не желаю оказывать им никакой помощи и поддержки — разумеется, даже напускной, — и тем более не верю ни в один из их нелепых бредовых мифов.

— Успокойся, — сказал Бини. — Я не проговорюсь ему ни единым словом.

— И не смей. Как я уже говорила, это уничтожит мое доброе имя. Я вернулась в университет именно ради того, чтобы совершить крупный прорыв в своих исследованиях. Мое открытие в Тумбо уже вызвало споры на кафедре, поскольку оно бросает вызов устоявшемуся мнению, будто Бекримот — самый древний город. Если же Серимон повесит на меня ярлык приспешницы Культа Пламени, положение станет...

Но Бини почти не слушал ее. Он искренне сочувствовал положению Сифны и, разумеется, не собирался создавать ей никаких проблем. Серимон не услышит от него ни слова о ее исследованиях. Однако в его собственной голове роилось совсем другое — другое, невероятно

тяжелое и тревожное дело. Слова из учения Культа Пламени, пересказанные Серимоном, безостановочно крутились у него в голове:

— ...примерно через четырнадцать месяцев все солнца исчезнут...

— ...звезды обрушат огонь с потемневшего неба...

— ...точное время катастрофы можно вычислить научным путем...

— ...темное небо...

— ...все солнца исчезнут...

— Темнота! — хриплым голосом пробормотал Бини. — Разве такое возможно?

Сифна продолжала говорить не умолкая. Услышав это, она резко замолчала.

— Бини, ты ведь меня совсем не слушал, да?

— Я... что? А, да, конечно слушал! Ты говорила, что я не должен позволить Серимоне узнать что-либо об этом, потому что это разрушит твою репутацию. И... и... послушай, Сифна, как ты думаешь, не могли бы мы обсудить это в другое время? Сегодня вечером, завтра после обеда или когда-нибудь еще? Мне нужно срочно идти в астрономическую обсерваторию.

— Что ж, не смею тебя задерживать, — холодно бросила она.

— Нет, я совсем не это имел в виду. То, о чем ты рассказываешь, чрезвычайно интересно — и важно, невероятно важно, до такой степени, что словами не передать. Но мне необходимо кое-что проверить, и это напрямую связано с тем, что мы обсуждали.

Она подалась вперед, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Бини, у тебя лицо покраснело, глаза круглые, ты ведешь себя слишком неестественно для человека, внезапно вспомнившего о столь давних делах. Что с тобой стряслось?

— Я все тебе расскажу, — бросил он на ходу, уже переступив порог. — Позже! Обещаю!

В этот час в астрономической обсерватории почти никого не осталось — дежурили только Фано и Тирландо. К облегчению Бини, Артур 77 уже ушел. И слава богу, подумал Бини: старик и так отдал все силы исследованиям Второго Калгаша и валился с ног от усталости. Сегодня вечером ему нельзя было выносить новые нагрузки. Только Фано и Тирландо — и это прекрасно. У Фано

был живой, острый ум, как раз то, что сейчас требовалось Бини, а Тирландо обладал многолетним опытом наблюдения и изучения бескрайнего космоса с помощью телескопов и камер, что могло помочь Бини сориентироваться в необходимых теоретических данных.

— Я весь день возился с проявкой снимков, Бини, но никаких сдвигов, — устало произнес Тирландо. — Похоже, на это уйдет вся моя жизнь. Кроме шести солнц, на небе не обнаружилось вообще ничего. Как по-твоему, старик часом не рехнулся?

— По-моему, его разум острее как прежде.

— Но эти фотографии... — продолжал Тирландо. — Целыми днями я сканирую небо и в упор не вижу изучаемого объекта. Жму на затвор, смещаюсь на несколько градусов вниз, снова жму на затвор, опять смещаюсь, опять жму. И вот так методично прочесал все небо. И что я получил, Бини? Гору фотографий — и ничего больше!

— Если эта неизвестная луна невидима, Тирландо, значит, она невидима. Все очень просто.

— Возможно, она невидима для невооруженного глаза, но камеры-то должны...

— Послушай, давай пока оставим эту тему в покое. Мне нужна от вас другого рода помощь — чисто теоретическая, связанная с новой теорией Артура.

— А если эта неизвестная луна — всего лишь воздушный замок, несбыточная надежда? — возразил Тирландо.

— Невидимый замок вполне может стать вполне осязаемым, — резко бросил Бини. — Нам ведь не улыбается, чтобы она сошла с орбиты и рухнула нам на головы. Так вы поможете или нет?

— Ну... ладно...

— Отлично. Мне нужна компьютерная симуляция обращения шести солнц с прогнозом на четыре тысячи двести лет.

Тирландо разинул рот, остолбенев от изумления, едва веря собственным ушам.

— Четыре тысячи двести лет? Ты серьезно, Бини?

— Я прекрасно знаю, что вы не храните данные о движении звезд за столь долгие периоды, но я говорю о компьютерном моделировании, Тирландо. У вас ведь есть надежные данные хотя бы за сто лет, верно?

— Больше, чем за сто.

— Тем лучше. Задайте их в программу, пусть симуляция двинется вперед и назад во времени, прогнозируя их траектории. Пусть машина выдаст вам всевозможные комбинации взаимного расположения этих шести солнц на каждый день за прошедший двадцать один век, а затем покажет то же самое на следующие двадцать один век. Если возникнут трудности с программированием, уверен, Фано с радостью поможет.

— Думаю, справлюсь, — невозмутимо отозвался Тирландо. — Но не будешь ли ты так любезен объяснить, зачем это нужно? Мы что, собираемся составлять альманах? Даже для календаря требуются данные всего на несколько ближайших лет. Так что же вы, черт возьми, затеяли?

— Я потом все объясню, — бросил Бини. — Обещаю.

Он оставил ее курить за своим столом, прошел через здание обсерватории в рабочую зону Артура и опустился в кресло перед экранами тех трех компьютеров, на которых Артур производил расчеты для теории Второго Калгаша. Долго и задумчиво Бини всматривался в средний монитор — именно на нем прежде отображалась орбита Калгаша, возмущенная гравитацией гипотетического Второго Калгаша. Он нажал клавишу, и на ярком экране прочертилась линия расчетной орбиты Второго Калгаша: исполинский, причудливый эллипс, охватывающий миниатюрную, почти круглую орбиту самого Калгаша.

Он некоторое время изучал ее, затем нажал клавиши, выводящие на экран солнца, и погрузился в созерцание светил. Около часа он перебирал различные их конфигурации: вот на небе одновременно появляются Онус, Тано и Ситсар; вот Онус соседствует с Треем и Патру; вот Онус и Довим сходятся с Треем и Ситсаром; затем Довим оказывается вместе с Тано и Ситсаром; а вот остаются только Патру и Трей... Да, все это были нормальные, привычные комбинации.

Но какие комбинации ненормальны? Только Тано и Ситсар? Нет! Этого просто не может произойти. Пространственное расположение светил в звездной системе таково, что в небе этого полушария физически не могут находиться одни лишь Тано и Ситсар — разве что Онус, Довим или оба они одновременно тоже видны. Пожалуй, такое могло случаться несколько тысячелетий назад, подумал он, хотя и сомневался. Но сейчас это, разумеется, исключено.

Трей, Патру, Тано и Ситсар одновременно? Снова неверно. Эти две пары светил находятся на противоположных сторонах от Калгаша; когда одна пара появляется на небосводе, другая прячется за обратной стороной планеты. Разумеется, порой все четыре светила действительно можно наблюдать на небе одновременно, но при появлении этих двух пар Онус всегда остается в поле зрения. Это знаменитый день пяти солнц, который наблюдается одновременно с днем одинокого солнца Довима в противоположном полушарии — подобное явление случается лишь раз в несколько лет.

А что насчет появления одного лишь Трея без Патру или одного Тано без Ситсара? Теоретически это возможно. Когда пара светил приближается к горизонту, одно из них может

оказаться над ним, в то время как другое на краткое мгновение скрывается подо льдом горизонта. Но это нельзя назвать крупным солнечным событием, всего лишь кратковременное расхождение во времени. Парные солнца по-прежнему держатся вместе, разделенные лишь на миг горизонтом.

Возможно ли одновременное появление на небе всех шести солнц? Абсолютно исключено! Еще худший сценарий — нечто немыслимое! И тем не менее он прокрутил его в уме. От одной мысли об этих жутких перспективах Бини бросало в дрожь. Если все шесть солнц сойдутся на небе одновременно, в каком-то из полушарий планеты солнца не будет видно вовсе. Темнота! Наступит темнота!

Однако жители любой точки Калгаша не имели ни малейшего представления о темноте — разве что как об абстрактной концепции. Им еще никогда не доводилось сталкиваться с ситуацией, когда все шесть солнц смещаются в одну сторону, погружая большую часть мира в абсолютный мрачный хаос. Может ли такое случиться?

— Может ли? — размышлял Бини над этой страшной возможностью.

В ушах снова зазвучал голос Серимона, объяснявшего учение культистов:

— ...все солнца исчезнут...

— ...звезды обрушат огонь с черного неба...

Он с силой мотнул головой. Никакие познания о движении светил в небесных сферах никак не укладывались в мысль о том, что над Калгашем могут одновременно взойти все шесть солнц. Этого просто не могло произойти, и уж тем более это не было каким-то чудом. Бини вообще не верил в чудеса. Расположение солнца на небе всегда таково, что в любой точке Калгаша и в любой момент времени над головой сияет по меньшей мере одно или два светила. Забыть про эти шесть солнц, про всякую темноту — все это пустые, нелепые фантазии.

Что еще требовалось рассмотреть? Появление на небе одного лишь Довима? Эта маленькая красная звездочка, думал он. О да, такое случается, хоть и нечасто. Когда Тано, Ситсар, Трей, Патру и Онус объединяются над одним полушарием, образуя день пяти солнц, на другой половине планеты остается лишь одинокий Довим.

Бини не знал, совпадает ли этот момент с наступлением темноты. Была ли такая вероятность? Сам Довим излучал совсем немного света — тусклый пурпурно-красный отблеск, который неосведомленные люди вполне могли принять за сумерки. Но на практике это не имело никакого смысла: даже крошечный Довим давал достаточно света, чтобы люди не испытывали ужаса перед темнотой. К тому же дни одинокого Довима выпадали раз в несколько лет. Пусть они и редки, но не являются чем-то из ряда вон выходящим. Если бы тусклое свечение одинокого солнца способно было оказать на людей такое воздействие, которое привело бы к массовому помешательству, каждый смертный должен был бы со страхом ожидать следующего дня Довима. По воспоминаниям Бини, такой день должен был наступить уже совсем скоро,

примерно через год. На деле же никто из-за этого вовсе не переживал.

Но что, если в тот момент, когда на небе виден лишь один Довим, происходит нечто иное? Нечто особенное, поистине небывалое, что заслоняет его тусклый свет...

Тирландо возник рядом с ним и мрачно произнес:

— Готово, Бини. Я настроил для тебя программу прогнозирования солнечной активности. Мало того, что она охватывает по четыре с лишним тысячи лет вперед и назад, так еще и ретроспективный отсчет идет бессрочно. Фано подсказал мне математическое решение, и теперь мы запрограммировали систему так, что она выдаст данные на любой нужный тебе год, вплоть до момента зарождения Вселенной.

— Отлично. Перебрось это на мой компьютер, пожалуйста. Фано, подойди сюда на минутку.

Коренастый аспирант неторопливо приблизился, его черные глаза блестели от любопытства. Очевидно, он уже давно гадал, чем занимается Бини. Но из уважения к субординации между студентом и профессором он молчал, терпеливо ожидая указаний.

— То, что ты сейчас видишь на экране, — начал Бини, — это расчетная модель орбиты Второго Калгаша по теории Артура. Я принимаю эту орбиту за истинную, поскольку, судя по объяснениям Артура, именно она вызывает все возмущения на нашей собственной орбите, а значит, я верю, что Артур понимает, что делает. Все имеющиеся у меня программы — вернее, те, что окажутся у меня, как только Тирландо передаст данные, — это как раз разработанная вами с ней долгосрочная прогностическая модель солнечной активности. Я намерен выяснить взаимосвязь между моментами, когда на небе остается лишь одно солнце и когда Второй Калгаш подходит к нам ближе всего, чтобы...

— Чтобы вычислить период обращения эллипса, верно, профессор? — не удержался Фано.

Ум молодой поросли вызывал одновременно и улыбку, и смущение.

— Именно так. Ты ведь тоже держал этот эллипс в уме?

— Я думал о нем с тех самых пор, как Артур впервые рассказал нам о Второго Калгаша. Помнишь Симброна? Он упоминал, что неизвестный спутник может на какое-то время заслонить солнечный свет, и ты сам говорил, что это можно назвать затмением. Тогда я стал просчитывать различные варианты. Но не успел и слова сказать, как Артур меня оборвал — он был слишком утомлен и рвался домой.

— Почему же ты не заговорил об этом позже?

— Меня никто не спрашивал, — пожал плечами Фано.

— Что ж, теперь твой шанс. Я передам всю информацию со своего компьютера в твою систему, и мы сможем в два счета прокрутить эти данные. Меня интересует вполне конкретный момент: когда Второй Калгаш находится ближе всего к нашей планете, а на небе в это время сияет ровно одно солнце.

Фано кивнул и помчался к своему терминалу с такой скоростью, какой Бини от него еще не видел. Бини не рассчитывал опередить его — в вычислениях Фано был просто непревзойден и пользовался заслуженной славой. Однако суть заключалась в том, что расчеты должны были вестись независимо друг от друга, чтобы перепроверить правильность результатов. Поэтому, когда вскоре Фано издал победный возглас и вскочил, собираясь что-то выпалить, Бини сердито замахал на него рукой, требуя тишины, и продолжил собственные расчеты.

Ему потребовалось еще долгих, мучительных десять минут. Наконец данные вывелись на экран.

Если все заложенные в машину допущения — рассчитанные Артуром возможные размеры и орбиту неизвестного спутника, а также выкладки Тирландо по движению шести солнц — верны, то полное погружение неба во тьму было просто невозможно. Единственным шансом на крошечную тьму оставался день одинокого солнца, когда на небе виден лишь один Довим, однако вероятность того, что Второй Калгаш вызовет солнечное затмение именно в этот момент, казалась исчезающе малой. На своей гигантской орбите Второй Калгаш и так редко приближался к планете, а уж совпасть это сближение с днем одинокого Довима — шансы были близки к нулю.

Бини прекрасно это понимал. Неужели к нулю? Нет, не совсем к нулю. Не полностью.

Он пристально взгляделся в цифры на мониторе: кажется, там все-таки маячил призрачный шанс на совпадение.

<http://bllate.org/book/21124/2143635>